

С.В. ПАТРУШЕВ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ:
ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ

В 2009 г. исполнилось 25 лет со времени публикации знаменитой статьи Джеймса Гарри Марча и Йохана Ольсена «Новый институционализм: организационные факторы в политической жизни»¹, которая, по всеобщему признанию, ознаменовала институциональный поворот в политической науке и определила новый подход к исследованию политических институтов, к изучению отношений между институциональными характеристиками и политическим действием.

Становление институциональной политологии как субдисциплины политической науки происходило быстро: за четверть века появились тысячи работ, так или иначе связанных с институциональной политической теорией и методологией. Понятия «институт» (institution/institute), «институциональный» (institutional), «институционалистский» (institutionalist), «институционализация» (institutionalization), «институционализировать» (institutionalize) «институционализм» (institutionalism) применительно к политической науке, полити-

¹ См.: *March J.G., Olsen J.P.* The new institutionalism: Organizational factors in political life // *American political science review.* – Wash., D.C., 1984. – Vol. 78, N 3. – P. 734–749.

Джеймс Гарри Марч (1928) – почетный профессор Стэнфордского университета, специалист в области менеджмента, социологии, политической науки и образования. Автор классических работ по теории организации и организационных решений, в том числе выполненных вместе с нобелевским лауреатом по экономике, когнитивным психологом Гербертом Саймоном.

Йохан Ольсен (1939) – создатель и почетный профессор Центра европейских исследований Университета Осло, специалист в области организации и управления, политической науки.

ческим исследованиям встречаются теперь часто, на каждом шагу, по поводу и без него.

Даже если оставить в стороне немалое количество случаев сугубо назывного использования этих понятий, объем проделанной работы впечатляет.

Четверть века в наше быстрое время – достаточный срок для подведения хотя бы промежуточных итогов.

В первое десятилетие сложились или, лучше сказать, опознали себя в этом качестве основные традиции или разновидности нового институционализма – исторический институционализм, институционализм рационального выбора и last but not least социологический институционализм, сопровождаемые дескриптивной, сравнительной, организационной версиями институционального подхода¹.

Завершение этого периода было отмечено презентацией в 1994 г. доклада гарвардцев Питера Холла и Розмари Тэйлор на конференции «Что такое институционализм сегодня?» в Мэрилендском университете и на ежегодной конференции Американской ассоциации политической науки². Тогда же начинается издание серии «Теории институционального дизайна», которое продолжается по сей день, – среди 33 книг серии выделим важную работу Роберта Гудина по теории институционального дизайна³.

¹ См.: Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: Этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. – М., 2001. – № 2. – С. 149–189.

² Окончательный вариант доклада был опубликован в 1996 г. – см.: Hall P., Taylor R.C.R. Political science and the three new institutionalisms // Political studies. – Guildford, 1995. – Vol. 55, N 1. – P. 936–957. Позднее П. Холл начинает активно разрабатывать институциональную концепцию «разнообразного капитализма» (см.: Varieties of capitalism. The institutional foundations of comparative advantage / Ed. by Hall P.A., Soskice D. – Oxford: Oxford univ. press, 2001), которая с большим трудом осваивается отечественными специалистами.

³ Theories of institutional design. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1994–2009. – Content: Fisse B., Braithwaite J. Corporations, crime and accountability. – 1994; Goodin R.E. The Theory of institutional design. – 1996; Sened I. The political institution of private property. – 1997; Rothstein B. Just institutions matter. The moral and political logic of the universal welfare state. – 1998; Bovens M. The quest for responsibility. Accountability and citizenship in complex organisations. – 1998; Elster J., Offe C., Preuss U.K. Institutional Design In Post-Communist Societies. Rebuilding the ship at sea. – 1998; Héritier A. Policy-making and diversity in Europe. Escape from deadlock. – 1999; Patashnik E.M. Putting trust in the US budget. Federal trust funds and the politics of commitment. – 2000; Brennan G., Hamlin A. Democratic devices and desires. – 2000; Reilly B. Democracy in divided societies.

Годом позже выходит работа американского социолога Уильяма Ричарда Скотта, которой попытался объединить теорию институтов и теорию организаций и предложил оригинальную классификацию версий институционализма в экономике, социологии и политической науке применительно к разным уровням и сферам человеческой деятельности¹.

В следующем десятилетии формируются новейшие институциональные подходы – прежде всего конструктивистский и дискурсивный (концептуальный), а также структурный, сетевой, когнитивный². В 2006 г. завершается реализация научно-издательского проекта подготовки и публикации Оксфордского энциклопедического справочника по политическим институтам, в главах которого обобщается развитие субдисциплины, оценивается ее нынешнее состояние, намечаются задачи и перспективы продвижения институциональной теории и методологии.

Появление разных видов институционализма объясняют различиями в концептуализации институционального контекста (т.е. культуры, права, государства и т.д.) и его происхождении (синхронном, диахроническом, индивидуальном или коллективном и т.д.). Нельзя не учитывать, однако, что институциональный поворот охватил многие социальные науки – социологию, экономику, политическую

Electoral engineering for conflict management. – 2001; *Dryzek J.S., Holmes L.T.* Post-communist democratization. Political discourses across thirteen countries. – 2002; *Pellikaan H., van der Veen R.J.* Environmental dilemmas and policy design. – 2002; *Deliberative policy analysis. Understanding governance in the network society / Ed. by Hajer M.A., Wagenaar H.* – 2003; *Rothstein B.* Social traps and the problem of trust. – 2005; *Steiner J., Bächtiger A., Spörndli M., Steenbergen M.R.* Deliberative politics in action. Analyzing parliamentary discourse. – 2005; *Koppell J.G.S.* The Politics of quasi-government. Hybrid organizations and the dynamics of bureaucratic control. – 2006; *Designing deliberative democracy. The British Columbia citizens' assembly / Ed. by M.E. Warren, H. Pearse.* – 2008; *Smith G.* Democratic innovations. Designing institutions for citizen participation. – 2009.

¹ *Scott W.R.* Institutions and organizations. Foundations for organizational science. – Thousand Oaks, Calif.: Sage, 1995. Особенно гл. 3, посвященная современной институциональной теории.

² См.: *The Oxford handbook of political institutions / Ed. by R.A.W. Rhodes, S.A. Binder and B.A. Rockman.* – Oxford: Oxford univ. press, 2006 (см. реферат в данном номере журнала); *The Rise of neoliberalism and institutional analysis / Ed. by J.L. Campbell, O.K. Pedersen.* – Princeton, N.J.: Princeton univ. press, 2001; *Schmidt V.A.* Discursive institutionalism: The explanatory power of ideas and discourse // *Annual review of political science.* – Palo Alto, Calif., 2008. – Vol. 11. – P. 303–326.

науку, юриспруденцию, психологию, антропологию и т.д.¹ – и еще не завершен: по мнению некоторых специалистов, на повестке дня – политическая философия. Но это лишь часть более общих перемен в социальных науках за последнюю четверть века.

Наиболее характерные изменения – сближение истории, антропологии и культурологии, а также движение политической науки в сторону экономики (хотя чаще мы слышим об экономическом империализме), уже давно и глубоко математизированной области знания².

Рост нового институционализма в политической науке стал своего рода аналогом «культурного поворота» в истории или подъема «нового историзма» в литературоведении³. В частности, реагируя против преобладающего взгляда на демократические правительства как посредников между конкурирующими социальными интересами, исследователи начали «возвращать государство» как совокупность институтов, структурирующих политический конфликт. В конце 1970-х годов Теда Скокпол пришла к выводу, что революции порождаются не восстаниями снизу, но сломом структуры сверху⁴. Новая школа была названа «историческим институционализмом». Само понятие появилось позднее, в 1992 г.⁵, хотя исследования в духе этого похода проводились много раньше⁶.

¹ Richerson P.J., Boyd R. Institutional evolution in the Holocene: the rise of complex society // The origin of human social institutions / Ed. by W.G. Runciman – Oxford: Oxford univ. press, 2001.

² Как следствие, многие зарубежные и отечественные политологи ныне полагают (кстати, вслед за Марксом), что математическая формула – главная примета подлинной науки.

³ См.: Hall P. The dilemmas of contemporary social science // Boundary 2. – Binghamton, N.Y., 2007. – Vol. 34, N 3. – P. 121–141.

⁴ Skocpol T. States and social revolutions. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1979; Bringing the state back in / Ed. by Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 1985.

⁵ См.: Structuring politics: Historical institutionalism in comparative analysis / Steinmo S. et al. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 1992.

⁶ См.: Moore B. Social origins of dictatorship and democracy. Lord and peasant in the making of the modern world. – Boston: Beacon press, 1966; Huntington S. Political order in changing societies. – New Haven; L.: Yale univ. press, 1968. В 2004 г. журнал «Неприкосновенный запас» (№ 1) опубликовал эпилог этой знаменитой книги Бэррингтона Мур-мл. – «Реакционные и революционные образы» (Epilogue: Reactionary and revolutionary imagery); тогда же вышел русский перевод книги

В это же время сторонники теории рационального выбора, занятые моделированием политики на основе предположений о рациональных действиях, начали включать институты в свой анализ. Политика стала рассматриваться как набор дилемм коллективного действия, а политические институты – в качестве инструментов для их решения¹.

Институты приобрели значение, но культура оказалась «не у дел».

Оба направления институционализма подтолкнули политическую науку ближе к экономике, причем их интеграция шла при опоре на теорию игр и по пути превращения *Homo politicus* в *Homo economicus*. Новая «позитивная политическая экономия» стала «областью применения» методов экономики к проблемам политической жизни. Среди политологов стала популярной политическая теорема Коуза, согласно которой общество способно выбирать эффективную политику и наилучшие экономические исходы независимо от того, как и между какими группировками распределена политическая власть². Если это так, то роль институтов была бы ограниченной. При этом, как иронически замечает П. Холл, под влиянием теории рационального выбора многие политологи оказались столь сильно зажаты в тиски монистического неоматериализма, что размышления К. Маркса по поводу ложного сознания выглядят верхом идеализма³. К счастью (или к сожалению), как показали более глубокие исследования, политическая теорема Коуза оказалась в ряде случаев не верна⁴.

В свою очередь, исторические институционалисты обратились к изучению политической экономии как области, структури-

Самюэля Хантингтона – см.: *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.

¹ См.: *Панов П.В.* Институционализм рационального выбора: потенциал и пределы возможностей // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. Патрушева С.В. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 43–92.

² См., например: *Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М.: Фонд «Наследие Евразии», 2008. – С. 13.

³ *Hall P.* The dilemmas of contemporary social science. – P. 132.

⁴ *Acemoglu D.* Why not a political Coase theorem? Social conflict, commitment and politics. – Mode of access: <http://www.nber.org/papers/w9377>

рованной капиталом, трудом и государством¹. Примером является работа Кетлин Телен, посвященная анализу институционализации системы профессиональной подготовки в Германии, Великобритании, Соединенных Штатах и Японии в ранний индустриальный период².

Особенности взаимодействия трех основных групп – работодателей в отраслях промышленности (особенно металлообработке), традиционных ремесленников и формирующихся профсоюзов в XIX в. оказались причиной движения этих стран по разным политико-экономическим маршрутам. Анализ выявил сходство между Германией и Японией (сегодня – это примеры «координированной» рыночной экономики) и между Великобританией и США (примеры «либеральной» рыночной экономики). Отслеживая изменения в политических коалициях, на которых основаны институты, К. Телен показывает пути, на которых форма и функции этих институтов могут быть радикально преобразованы с течением времени. Любопытно, что в Германии система профессиональной подготовки создавалась в 1897 г. для того, чтобы ослабить растущее рабочее движение. Возникшие тогда институциональные механизмы оказались невероятно устойчивыми, несмотря на все исторические потрясения. И все же, как показывает случай Германии, тонкие и постепенные изменения, происходившие в стабильные времена, смогли аккумулироваться в институциональные преобразования.

Несмотря на различные теоретико-методологические акценты, все версии институционализма согласны в том, что предпочтения выражаются не атомизированными, а агрегированными институтами индивидами. Следовательно, коллективные решения не являются простой суммой индивидуальных решений, но формируются под организационным давлением; институты влияют на направление агрегирования.

Для институционализма рационального выбора речь идет о равновесии предпочтений, для исторического институционализма –

¹ Причем многие политические компаративисты превратились в «новых политэкономов». – См.: *Pontusson J. From comparative public policy to political economy: Putting political institutions in their place, and taking interests seriously // Comparative political studies.* – Beverly Hills, Calif.; L., 1995. – Vol. 28, N 1. – P. 117–147.

² *Thelen K. How institutions evolve: The political economy of skills in Germany, Britain, the United States, and Japan.* – Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. – P. xiii.

о сохранении статус-кво, а для социологического институционализма – о консолидации институциональной легитимности в меняющейся среде¹.

Тем не менее на фоне современных тенденций развития исторического институционализма и институционализма рационального выбора наиболее близким к исходному замыслу институциональной политологии оказывается социологический институционализм².

Напомним, что Марч и Ольсен обновили понимание института как сравнительно устойчивого набора (collection) правил и организованных практик, укорененных в структурах значений и ресурсах, которые относительно инвариантны при смене конкретных индивидов и сравнительно устойчивы к особым предпочтениям и ожиданиям акторов и к изменяющимся внешним обстоятельствам. Конститутивные правила и практики предписывают соответствующее поведение для конкретных субъектов в конкретных ситуациях, структуры значений, укорененные в идентичностях и вещах, – общие цели и расчеты – придают направление и смысл поведению, объясняют, оправдывают и легитимизируют поведенческие коды, структуры ресурсов создают возможности для действий³.

Марч и Ольсен выступили против наиболее распространенных четверть века тому назад представлений о политике. «Новые институционалисты» отказались от понимания политики как только отражения общества (контекстуализм) или макроагрегированного следствия индивидуальных действий (редукционизм), от сведения политической деятельности только к процессу принятия политических решений и распределения ресурсов (инструментализм) или к расчету и своекорыстному поведению (утилитаризм), от рассмот-

¹ Immergut E. The theoretical core of the new institutionalism // *Politics and society*. – Los Altos, Calif., 1998. – Vol. 26, N 1. – P. 5–34.

² Истоки этой традиции уходят к работам по социологии организаций Филиппа Селзника – см.: Selznick P. *Foundations of the theory of organizations* // *American sociological review*. – Menasha, Wis., 1948. – Vol. 13, N 1. – P. 25–35; *idem*. *TV A and the grass roots: A study in the sociology of formal organizations*. – N.Y.: McGraw-Hill, 1951; *idem*. *Leadership in administration. A sociological interpretation*. – N.Y.: Harper & Row, 1957; *idem*. *Law, society and industrial justice*. – N.Y.: Russel Sage foundation, 1969.

³ March J.G., Olsen J.P. *Elaborating the «new institutionalism»* // *Centre for European studies. Working paper N 11, March 2005*. – Oslo: Univ. of Oslo. – Mode of access: <http://www.arena.uio.no>

рения политических институтов как результата единственно возможного ситуативного равновесия (функционализм).

По мнению Марча и Ольсена, политика организована вокруг истолкования жизни и развития смысла, цели и направления, политика укоренена в «неэффективной» истории и культуре, а институты обладают известной самостоятельностью и независимостью, собственными организационными качествами и в то же время историчны.

Подходы к политическим институтам различаются, когда речь заходит о понимании: а) характера институтов как организованных установлений, в рамках которых, как правило, действуют современные политические акторы; б) процессов, которые переводят структуры и правила в политические последствия; в) процессов, которые переводят поведение человека в структуры и правила и устанавливают, поддерживают, преобразуют или ликвидируют институты¹.

Марч и Ольсен специально подчеркнули эндогенный и социально-конструктивный характер политических институтов. Поэтому обращение к социальному конструктивизму при политико-институциональном анализе выглядит вполне естественным и даже многообещающим, поскольку означает и возвращение культуры в политические исследования². Это относится и к попыткам формирования других, близких к основному замыслу, подходов.

Познакомимся, например, с обоснованием необходимости неоинституциональной политической философии³. По мнению авторов рассматриваемой работы, сосредоточение на принципах, а не на институтах или практиках, замкнуло политическую философию в рамки этических норм и отдалило ее от социальных наук в целом и сравнительного институционализма в частности. Оценки

¹ *March J.G., Olsen J.P.* Elaborating the «new institutionalism» // Centre for European studies. Working paper N 11, March 2005. – Oslo: Univ. of Oslo. – Mode of access: <http://www.arena.uio.no>

² Напомним: социальное конструирование реальности возникает из традиции феноменологической социологии Альфреда Шюца и получает развитое теоретическое обоснование в работе: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.

³ *Bader V., Engelen E.R.* Taking pluralism seriously: Arguing for an institutional turn in political philosophy // *Philosophy & social criticism*. – Chestnut Hill, Mass., 2003. – Vol. 29, N 4. – P. 375–406.

должны отражать сложность нашей моральной вселенной. Ни один институт не является унитарным, поэтому и оценка не может быть монистической. Учет напряженности между принципами важен для политических философов, которые хотят повысить практическую ценность своей работы. Столь же необходимо утопическое воображение – чтобы «обеспечить нам дорожные знаки и правила приоритета».

Чтобы объяснить институциональные изменения, необходимо дополнить новый институционализм сосредоточенным на идеях дискурсивным подходом¹. Дискурсивный институционализм эндогенен, объясняет изменения изнутри, показывая, как идеи реальных акторов дискурсивного взаимодействия строят и реконструируют свой выбор и направления действий. Напротив, исторический институционализм объясняет изменения внешними причинами, принимая предложенные направления действия и наблюдая, как они реализуются в течение времени.

Использование конструктивистского подхода облегчается мировым опытом минувшей четверти века, когда деконструкция всего и вся в современном обществе позволила лучше увидеть, как слова становятся вещами и как многое из того, что казалось очевидным, социально сконструировано.

В нашем случае процесс только начинается. Существует проблема радикализации институционально-конструктивистского подхода в среде, склонной к поискам очередного ответа на очередной вопрос «Что делать?»².

Впрочем, уже сейчас некоторые институционалисты – не российские, но американские – идут дальше, ставя вопрос о формировании *критического* институционализма. Они обращаются к прошлому, к временам, когда часть американских экономистов и социологов – Т. Веблен, С. Уэсли Митчелл, Д.Р. Коммонс и Ч. Ку-

¹ Schmidt V.A. From historical institutionalism to discursive institutionalism: Explaining change in comparative political economy: Paper prepared for presentation at the American political science association meetings, Boston Aug 2008. Revision of a paper prepared for presentation to the biannual meeting of the Council for European studies, Chicago, Ill., March 6–8, 2008.

² Это касается и институционального подхода в целом, что подтверждается появлением проектов группы СИГМА под общим девизом «Институциональный ключ к модернизации России».

ли – создали уникальный синтез экономики и социологии, известный как «институционализм». Критический институционализм, как и современный неoinституционализм, возник в эпоху смены капиталистического режима, в период экономической дестабилизации и быстрых изменений, непонятных представителям экономического мейнстрима. Его критическая позиция, опиравшаяся на масштабную теоретическую работу, сохраняет значение для анализа современной экономики и политики. Налаживание связи между классическим критическим институционализмом и новыми концептуальными инструментами позволит, по мнению сторонников новой версии, повысить охват и мощь институционального анализа глобального капитализма.

Но вернемся из будущего в настоящее.

Новые институционалисты предложили ряд базовых концепций и понятий; некоторые из них порождают больше вопросов, чем ответов, а большинство нуждаются в дальнейшем теоретическом развитии и эмпирическом обосновании.

Это – *правление как сетевая кооперация* вплоть до образования «фрагментированного и дезартикулированного государства»¹ (сетевой институционализм): как соотносятся между собой универсальность / фрагментарность социального и политического порядков; *тип лидерства*, обеспечивающий символы и значения для тех, кто в сети управления и кто вне ее²; *укорененность* (включая принятие новых технологий (technology enactment)³) – каковы институциональные последствия формирования «электронных правительств»; *легитимность* (в частности, организационная), которая, как полагают некоторые исследователи, важнее эффективности⁴, – в чем состоит институциональный смысл легитимности и возможна

¹ См.: Christensen T., Lægveid P. The fragmented state – the challenges of combining efficiency, institutional norms and democracy / Stein Rokkan centre for social studies, UNIFOB AS. Working paper 3 – 2004. – Mode of access: <http://www.ub.uib.no/elpub/rokkann/N/N03-04.pdf>

² См.: Bass B.M. Transformational leadership: Industrial, military, and educational impact. – Mahwah, N.J.: Erlbaum, 1998.

³ См.: Fountain J.E. Building the virtual state: Information, technology, and institutional change. – Wash., D.C.: The Brookings institution, 2001.

⁴ См.: DiMaggio P.J., Powell W.W. The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // American sociological review. – Menasha, Wis., 1983. – Vol. 48, N 2. – P. 147–160.

ли институциональная эффективность; *устойчивость культуры* на основе развития институциональной культуры через этапы хабиитуализации, объективации и седиментации, означающая формирование «тропы зависимости», когда организационная модель оказывается важнее проблемы, – как сопрячь стабильность и инновативность институциональных порядков; организационные *скрипты*, снимающие противоречие между организационной культурой и культурой индивида, – каковы политические импликации этого концепта; *ограниченная рациональность*, следующая логике пригодности, – как она соотносится с политическим выбором; «культура самоувековечивания» или *институциональная «клейкость»*¹; соотношение *формальных и актуальных процедур*, противоречие между которыми снимается через символическую легитимацию и усиление церемониальной функции первых и создание рациональных мифов вокруг вторых, позволяющих обеспечивать поддержку почти в любом случае², – каковы пределы символизации и рационализации мифа; *институциональный изоморфизм* политических организаций, обусловленный борьбой за легитимность, ресурсы, а также неопределенностью и использующий принудительные, имитационные и нормативные способы, – каковы пределы упрощения и имитации; сила/слабость институциональных связей – действительно ли слабость становится в данном случае силой.

Очевидно, что результаты институциональных исследований, несмотря на неизбежную и подчас очевидную противоречивость, весьма значительны. Конечно, институциональный подход не стал и не мог стать универсальной парадигмой, применимой при исследовании любых проблем, – как бы этого ни хотели сторонники монистического взгляда на мир и на политику. Поэтому очевидно также, что период бури и натиска, подчас весьма ощутимых, для нового институционализма позади.

При всех издержках институционалистам почти всех школ удалось обновить прежние представления о политике, политическом процессе и политических акторах на микро-, макро- и мегауровне.

¹ См.: Pierson P. Politics in time: History, institutions, and social analysis. – Princeton: Princeton univ. press, 2004.

² См.: Sciulli D. Theory of societal constitutionalism: Foundations of a non-marxist critical theory. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1992.

Мы не готовы и не вправе давать оценки развитию отечественной институциональной политологии, основных направлений и школ. Важно уже то, что они существуют. Отметим также, что первые институциональные политические исследования появились в России не ранее 1995 г. Иными словами, они начали разворачиваться тогда, когда, как видно из вышеизложенного, новый институционализм в современной политической науке уже прошел значимую часть пути и вступил в новый период. В том числе и поэтому институциональной политологии в России не пришлось бороться за место под солнцем, во всяком случае – не более других направлений.

Но, представляется, этим обусловлена и основная проблема: институциональные исследования в целом ряде случаев развиваются в рамках «рациональных мифов» о самих себе как институционалистах – что, может быть, достаточно для обретения академической легитимности, но явно мало для значимых научных результатов.

Впрочем, недостаточная профессионализация ведет не только к издержкам.

Профессиональная дифференциация нашего гуманитарного научного сообщества еще не зашла настолько далеко, чтобы были утрачены коммуникации между историками, культурологами, философами, экономистами и социологами, с одной стороны, и политологами – с другой. Присутствие разных специалистов в одном исследовании – все еще не такой редкий случай. Но процесс идет... Особая проблема российской политической науки, включая институциональную, – в разрыве между исследовательскими поколениями, имеющими разный образовательный и профессиональный опыт. Наряду с новыми возможностями, это, несомненно, и вызов, смягчить который могут только преемственность и освоение интеллектуальной традиции, в том числе через сотрудничество исследователей в рамках общих проектов.

* * *

В данный выпуск «Политической науки» вошли работы теоретического и научно-аналитического характера, выполненные исследователями-институционалистами разных школ и поколений.

Первая группа статей посвящена разработке теоретических аспектов современного институционализма.

В статье П.В. Панова «Институциональный порядок: Подходы к осмыслению и исследованию» представлены наиболее влиятельные – нормативный, рациональный и конструктивистский – подходы к проблеме социального порядка, который по определению является институциональным, поскольку предполагает достаточно устойчивое воспроизводство в социальных практиках определенных моделей поведения. Пермский политолог предлагает свое, во многом дискуссионное, понимание соотношения между «правилами» и «нормами», а также обосновывает необходимость концептуально разграничивать культурные основания порядка и собственно институционализацию порядка.

К.П. Кокарев предпринял попытку рассмотреть ключевое, но все еще слабо разработанное понятие институциональной теории – «легитимность». Молодой исследователь обратился как к классической, веберианской традиции исследования легитимности, так и к подходам в рамках социологического нового институционализма. В статье представлена модель изучения легитимности организации / института, которая опирается на синтез результатов исследований последнего десятилетия.

М.А. Завадская предлагает инструментарий для «измерения институтов», точнее, для строгой оценки процесса институционализации на примерах институтов партии и выборов.

Раздел включает статья Т.В. Павловой, посвященная анализу институциональных подходов к изучению социальных движений. Автор замечает определенные новации в исследованиях: рассмотрение движений в рамках институционального поля, концепция «фрейма поля», мультиинституциональный подход, сдвиг в сторону анализа культурных аспектов социальных движений.

Вторая группа статей посвящена применению институциональной методологии, в том числе при изучении российских сюжетов.

В центре исследования П.В. Панова – проблема институциональной фрагментации политического порядка, ее формы и возможные направления, а также особенности в политических порядках разного типа¹. В статье показано, что в современных nation-

¹ В отечественной литературе заслуга постановки проблемы универсализации и фрагментации социетального порядка с институциональной точки зрения принадлежит А.Д. Хлопину – см.: Хлопин А.Д. Модернизация и anomia: постсоциализм в ловушке перемен // Pro et contra. – М., 2000. – Т. 5, № 1. – С. 206–209;

states фрагментация происходит в рамках универсальных по форме политических практик, в процессе складывания различных и не-универсальных институтов. В досовременных политах универсальные политические практики вообще отсутствуют, фрагментация имманентно присуща политическому порядку. Наконец, в современных незападных политах политический порядок оказывается не только фрагментированным, но во многих случаях еще и недостаточно институционализированным.

В статье петербургского социолога А.В. Дуки рассмотрен продолжающийся процесс институционализации российской политико-административной элиты. Хотя отечественные элиты в значительной степени сформировались и закрепились на властных позициях, выработали механизмы сохранения власти и ее передачи, сохраняющаяся социальная неопределенность повышает роль персональных сетей в элитном взаимодействии и коррупции как специфического института институционализации, которая остается незавершенной.

Две статьи выпуска посвящены анализу феномена российского федерализма. Ш.Ш. Какабадзе рассматривает институционализацию согласования интересов в федеративной системе России и показывает, что становление формально-символических институциональных правил оборачивается в нашем случае фиктивным согласованием интересов, имитацией оказывается как федерализм, так и унитаризм. М.С. Ильченко приходит к выводу о том, что система отношений между центром и регионами регулируется клубком правовых установлений, неформальных правил, дискурсивных практик и символических значений, и потому федеральный центр все чаще вынужден сталкиваться с неблагоприятными последствиями собственных преобразований в корректировке формальных правил федеративной политики.

Завершают выпуск рефераты. Реферат «Оксфордского энциклопедического справочника по политическим институтам» 2007 г., подготовленный Л.Е. Филипповой, дает представление об одном из 10 томов крупнейшего за последние десятилетия в миро-

Хлопин А.Д. Российский социум: границы общностей и парадоксы их институциональной интеграции // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. Патрушева С.В. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 377–398.

вой политической науке научно-издательского проекта – «Оксфордской энциклопедии политической науки», осуществляемого под общей редакцией Роберта Е. Гудина (Robert E. Goodin). Реферат работы профессора политической науки Йельского университета Сьюзан Стоукс, подготовленный М.С. Ильченко, посвящен анализу влияния неформальных институтов на демократию на примере Аргентины.

Сборник подготовлен по инициативе ИНИОН РАН силами Исследовательского комитета по институциональным исследованиям (ИКИИ) РАН. Комитет создан в начале 2005 г. и объединяет исследователей из Екатеринбурга, Москвы, Перми, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга. ИКИИ был организатором тематических заседаний в рамках IV Всероссийского конгресса политологов (2006), научных конференций в Москве, Екатеринбурге и Перми в 2007–2009 гг. При участии ИКИИ изданы монографии «Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России» / Под. ред. С.В. Патрушева» (М.: ИСП РАН, 2006) и Панов П.В. «Институциональные основания устойчивости и фрагментации политического порядка в постсоветской России» (Пермь: ИД «Пресстайм», 2008), подготовлена рубрика «Субдисциплина: Институциональная политология» в журнале «Полис» (2008, № 5). Исследовательский комитет активно участвует в подготовке V Всероссийского конгресса политологов (2009). В планах ИКИИ – исследовательский проект «Участие и институты».